Казанский телеграф. 1899. 9 февраля. № 1870.

С.3.

Критическіе наброски.

Чайка.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, Чехова.

(*Продолженіе*).

Такъ же вѣрно духу подлинника ставитъ художественный театръ драматическіе моменты пьесы.

И здѣсь ни малѣйшаго диссонанса между авторомъ и театромъ.

Укажемъ какъ на примѣръ—на финальную сцену. Всѣ играютъ въ карты; въ сосѣдней комнатѣ выстрѣлъ.

Аркадина (испуганно) что такое!

Дорнъ Ничего. Это должно быть въ аптекѣ какой-нибудь лопнуло. Не безпокойтесь, сыграемъ въ пробочки. Черезъ полчасу возвращается. Такъ и есть. Лопнула склянка съ эѳиромъ. Я знаю, что [illegible] „Я знаю предъ собой свою [illegible]“...

Аркадина Фу, я испугалась, что онъ [illegible] какъ... (закрываетъ лицо руками) дыма въ гостиной [illegible]

Дорнъ Тутъ недѣли два назадъ была напечатана одна статья... какая изъ Америки и я хотѣлъ васъ спросить между прочимъ. (беретъ Григорія за талію и отходитъ съ нимъ) уведите отсюда куда нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Гавриловичъ застрѣлился.

Заглянемъ, Read la comedie.

Простота драматизма граничитъ съ драматизмомъ простоты.

Сама жизнь ворвалась на сцену и художественный театръ съумѣлъ передать ея тонкія краски.

Это онѣ напомнило какъ, говоритъ Аркадина и лицо ея искривлено ужасомъ. Всѣ сидятъ съ нервными, безпокойными лицами, всѣмъ не по себѣ, предчувствіе чего то ужаснаго нависло надъ сценой, хотя строго говоря ничего не случилось. Только склянка съ эѳиромъ лопнула. А самъ Дорнъ напѣваетъ веселыя слова, но тонъ его пѣсни не гармонируетъ ни со словами, ни съ мотивомъ и диссонансъ производитъ гнетущее, щемящее впечатлѣніе.

Дорнъ кладетъ Григорію руку на плечо, дѣлаетъ ему знаки глазами и отходитъ. Григорій обезпокоенъ. Онъ ничего не догадывается, лицо его выражаетъ только инстинктивное безпокойство. Но онъ чувствуетъ, что надо просто и незамѣтно подойти къ Дорну. Такъ онъ и дѣлаетъ. Дорнъ неестественно громко и развязно разговариваетъ съ нимъ о какой то статьѣ и затѣмъ неожиданно въ полголоса: «Уведите куда нибудь Ирину Николаевну. Дѣло въ томъ, что Константинъ Николаевичъ застрѣлился».

Чехонъ кончилъ; но Станиславскій продолжаетъ сцену. Григорій пораженъ. На его лицѣ—ужасъ. Онъ не можетъ совладать съ собой.

Дорнъ поднимаетъ руку, и какъ бы закладывая нотаты молчанія, произноситъ: «тс»! Мимика передаетъ необыкновенное волевое напряженіе мгновенно. Григорій совладалъ со своими нервами. Григорій поддается гипнозу. Онъ какъ то весь сжимается и автоматически идетъ къ карточному столу, а Дорнъ дѣлая надъ собою неимовѣрныя усилія, идетъ по аналогіи все съ тѣмъ же щемящимъ диссонансомъ, напѣвая пѣсенку.

Впечатлѣніе получается неотразимое по своей глубинѣ. Не выложите мы тѣхъ тонкихъ, почти неуловимыхъ штриховъ, которые даетъ Станиславскій и вся сцена пропадаетъ. Въ ней нѣтъ ничего кричащаго, что бы, само по себѣ производило впечатлѣніе на зрителя. Краски не сгущены: ужасъ не преувеличенъ. Чеховъ остался вѣренъ самому себѣ. Но въ поэтѣ онъ бы далъ нѣсколько штриховъ «отъ себя», которые бы какъ молніи освѣтили всю картину. Яркимъ штрихомъ охарактеризовалъ бы онъ и тонъ голоса и выраженіе лицъ и тѣней безпокойства ворвавшійся въ теплую гостиную, заброшенной среди бури и непогоды усадьбы.

Въ драмѣ Чеховъ, уклонившись отъ обычныхъ пріемовъ сценическихъ выраженій, не всегда справляется съ новыми его формами.

Мы отвѣтили на первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ: какъ написалъ Чеховъ свою «Чайку». Мы пришли къ заключенію, что его пьеса—произведеніе глубоко реальное не только по своей внутренней правдѣ, но и по пріемамъ сценическаго творчества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Чайка» является «новымъ словомъ» въ искусствѣ. Хотя и классической школѣ былъ извѣстенъ методъ Чехова, но только «Чайка» сознательно, послѣдовательно вводитъ въ систему внѣшній реализмъ дѣйствія.

Мы далѣе указали на то, что Чеховъ не сумѣлъ справиться съ поставленной задачей. Лишенный свободы обнажать и [illegible] сокровенныя движенія, зачастую [illegible] или на нѣмыхъ, Чеховъ [illegible] простотѣ и образности [illegible] не выдерживаетъ драматическихъ моментовъ.

Эта работа лежитъ на театрѣ.

Во всякомъ случаѣ, [illegible] методъ драматической литературы «Чайка» [illegible].

Постараемся теперь отвѣтить на второй вопросъ: что сказалъ Чеховъ въ своей «Чайкѣ».

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

М. М.